

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

О значении лингвистического поворота в исследовании права

Р. В. Насыров

Алтайский государственный университет

656000, Барнаул, пр. Социалистический, 68, E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru

В статье ставится цель обосновать значимость для познания юридических явлений лингвистического поворота, который стал ярко проявляться в социогуманитарных исследованиях с начала прошлого века. Лингвистический поворот рассматривается как следствие развернувшегося с конца XIX века интеллектуального движения под названием «критика метафизики», которое оказало влияние на большинство философских течений XX века – феноменологию, герменевтику, экзистенциализм, аналитическую философию, прагматизм и иные. Лингвистический поворот возник в процессе критики метафизики как оторванности философских и научных теорий от реальной жизни. В это движение исследовательской мысли активно включились и юристы, так как оно предполагает погружение в непосредственный процесс социальной коммуникации, значительная часть которого соответствует понятию предмета правового регулирования. В статье обосновывается отличие наук фундаментальных и прикладных, в которых предмет познания и понимание истины не являются тождественными. Лингвистический поворот рассматривается как один из способов обеспечения связи правотворчества и юридических исследований с реально существующим предметом правового регулирования и юридической практикой. Признается, что в российском доктринальном правосознании проявляется дефицит погружения в объективно существующую социальную реальность, важнейшим аспектом которой выступает язык. Приводятся примеры того, что язык – это не просто знаковая система, выступающая средством выражения мысли о действительности, но средство раскрытия самой этой действительности человеку теми сторонами и аспектами, которые заданы используемыми для её описания словами. Делается вывод о необходимости учитывать в правовых теориях и законодательных конструкциях особенности российского правосознания, которые отражены в семантике русского языка.

Ключевые слова: лингвистический поворот; право; юридическая наука; язык; правосознание

On the importance of linguistic turn in law studies

R. V. Nasyrov

Altai State University

656000, Barnaul, pr. Socialisticheskii, 68. E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru

The article aims to substantiate the significance of the study of the linguistic turn for the knowledge of legal phenomena, which has been vividly manifested in socio-humanitarian studies since the beginning of the last century. The linguistic turn is viewed as a consequence of the intellectual movement unfolding since the end of the 19th century called “criticism of metaphysics”, which influenced most of the philosophical schools of the 20th century - phenomenology, hermeneutics, existentialism, analytical philosophy, pragmatism and others. The linguistic turnaround arose in the process of criticism of metaphysics as the isolation of philosophical and scientific theories from real life. Lawyers were actively involved in this movement of research thought, since it involves immersion in the direct process of social communication, much of which corresponds to the concept of the subject of legal regulation. The article substantiates the difference between fundamental and applied sciences, in which the object of knowledge and, accordingly, the understanding of truth are not identical. The linguistic turn is considered as one of the ways to ensure the connection of law-making and legal research with a really existing subject of legal regulation and legal practice. It is recognized that in the Russian doctrinal sense of justice there is a lack of immersion in an objectively existing social reality, the most important aspect of which is language. There are examples given here to prove the fact that language is not just a sign system, acting as a means of expressing thoughts about reality, but this reality itself is revealed to a person by those parties and aspects specified by the words used to describe it. The conclusion is made about the need for legal theories and legislative structures to take into account the peculiarities of the Russian legal consciousness, which are reflected in the semantics of the Russian language.

Key words: linguistic turn; law; legal science; language; legal consciousness

В статье ставится цель обосновать значимость для познания юридических явлений лингвистического поворота, который ярко проявился в социогуманитарных исследованиях с начала прошлого века. Внедрение в философский и научный дискурс концепта «лингвистический поворот» связывается с именем американского философа Р. Рорти, под редакцией которого в 1967 году была опубликована одноименная коллективная монография, посвященная проблемам философии языка [Rorty 1967]. Но исследователи обращают внимание на скорее риторический характер этого словосочетания и указывают на то, что «что фактически поворот к языку произошел за полвека до возникновения соответствующего обозначения» [Инишев 2012: 186].

Лингвистический поворот необходимо рассматривать как проявление и следствие развернувшегося с конца XIX века интеллектуального движения под названием «критика метафизики» и возникновения такого направления мысли как «философия жизни», которое, как известно, оказало влияние на большинство философских течений XX века – феноменологию, герменевтику, экзистенциализм, аналитическую философию, прагматизм и иные. Лингвистический поворот возник в процессе критики метафизики как оторванности философских и научных теорий от реальной жизни. Соответственно, в это движение исследовательской мысли активно включились и юристы, так как оно предполагает погружение в непосредственный процесс социальной коммуникации, значительная часть которого соответствует понятию предмета правового регулирования. Именно в русле интеллектуального движения под названием «критика метафизики» возникли такие теории права как социологическое направление в юриспруденции, феноменологическая, психологическая, реалистическая школа права и иные; с философией жизни коннотирует название и содержание концепции Е. Эрлиха – теория «живого права».

Суть лингвистического поворота в современных науках об обществе и человеке предварительно можно кратко выразить, преобразовав известное высказывание основателя методологии классической науки Р. Декарта – «Я мыслю, следовательно, я существую» – в «Я говорю, следовательно, я существую». Для обоснования допустимости такого утверждения сошлёмся на М. Хайдеггера, который утверждал: «Для речи нужны говорящие; но не только так, как для следствия нужна причина. Говорящие скорее сами присутствуют лишь в своем говорении» [Хайдеггер 1993: 264]. В науках практических (каковой является и юриспруденция) главным является вопрос не «Что?», а «Как?». Если учесть замеченное самим Р. Декартом различие фундаментальных и прикладных исследований, то картезианский принцип познания приобретает вид: «Я существую (практикую, говорю) так, как я мыслю». В соответствии с этой дедуктивной установкой в юридической науке и практике возникает отраженное в учебниках теории права представление о том, что первой стадией правового регулирования выступает законотворчество, то есть формирование правовой реальности начинается с мысли законодателя. Но такое, условно говоря, дедуктивное восприятие процесса правового регулирования в российской действительности приобрело негативные формы правового идеализма, законотворческого волюнтаризма, «гололо» за законодательства и т.п.

Стоит признать, что и отечественная юриспруденция до сих пор несет печать своего искусственного происхождения. Правовая наука в России возникла одновременно в результате заимствования системы преподавания права в западноевропейских университетах. Первыми учеными-юристами были иностранцы, преподававшие «право природы» (естественное право) и римское право. Юридическую науку в России до сих пор воспринимают не как явление, постепенно и естественно вырастающее из потребностей самой общественной жизни, а как результат заимствования. Несмотря на плеяду выдающихся имен в российской философии и теории права, исследователи отмечают: «Юридическая наука в России имеет весьма слабые прикладные школы и методологии, часто без соответствующей организационной инфраструктуры. В целом наблюдается значительный отрыв массового, обыденного правосознания от правосознания официально-академического» [Синюков 2010: 36]. Это предопределило устойчивое представление о существовании некоего идеального-универсального права, которое лишь необходимо внедрить в общественную жизнь. Доктринальное правосознание стало характеризоваться преобладанием дедуктивно-логического мышления при явном дефиците индуктивно-практического подхода к изучению правовых явлений.

Очевидно, что юристам ближе индуктивный метод познания, значимость которого доказал другой (наряду с Р. Декартом) основатель рационализма Нового времени – Ф. Бекон. В афоризме «Знание – сила» английский философ имеет в виду знание, почерпнутое из опыта: «Если сами понятия, составляя основу всего, спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них. Поэтому единственная надежда – в истинной индукции» [Бекон 1978: 13-14]. С этой индуктивной точки зрения, формула лингвистического поворота в социогуманитарных исследованиях приобретает иной вид – «Я мыслю так, как я существую, практикую и, наконец, говорю». Казалось бы, речь идет об особенностях англо-саксонского стиля мышления с его эмпиризмом и прагматизмом. Но стоит признать, что для прикладных наук такой практически ориентированный характер исследования релевантен их предмету и методологии. Так, О. Холмс (младший) сформулировал принцип, подтвержденный историей и самим механизмом функционирования права: «Жизнь права не была логичной, она была опытом» [цит. по: Адыгезалова 2012: 83]. Представители континентальной (романо-германской) правовой традиции не могут отрицать того, что римские юристы формулировали свои общие положения о праве в контексте юридической практики. В определении права Цельса «*Jus est ars boni et aequi*» слово «*ars*» точнее переводить как «искусство, мастерство», то есть право – это не просто наука, знание о добре и справедливости, а именно практика их воплощения в конкретных актах реализации права.

Обосновывая дедуктивный принцип познания, Р. Декарт отметил, что его тезису о том, что до обнаружения очевидной истины всё сомнительное необходимо считать ложным, нельзя следовать в сфере «жизненной практики»: «Ибо, что касается жизненной практики, то, поскольку зачастую мы должны действовать прежде, чем избавиться от сомнений, мы нередко бываем вынуждены усвоить то, что является всего лишь правдоподобным, а иногда просто выбрать одно из двух, если ни одно из них не представляется более правдоподобным, чем другое» [Декарт 1989: 315]. Речь идет о не вполне еще отрефлексированном и учтенном в российском доктринальном правосознании отличии наук фундаментальных и прикладных, в которых предмет познания и понимание истины не являются тождественными. Лингвистический поворот допустимо рассматривать как один из способов обеспечения связи правотворчества и юридических исследований с реально существующим предметом правового регулирования и юридической практикой. Разумеется, научное познание, в том числе и юридическое, предполагает дедукцию, выведение нового знания из общих положений – аксиом, идей, принципов. Но стоит признать, что в отечественном доктринальном правосознании проявляется дефицит погружения в объективно существующую социальную реальность, важнейшим аспектом которой выступает в том числе и язык.

Лингвистический поворот в социогуманитарных исследованиях основан на осознании того, что язык является не только средством социальной коммуникации, но и фактором, определяющим её содержательные аспекты. М. Хайдеггер пишет: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя её в языке. Мысль не потому становится прежде всего действием, что от нее исходит воздействие или что она прилагается к жизни. Мысль действует, поскольку мыслит» [Хайдеггер 1993: 192]. Философ различает язык и речь, то есть не всякое высказывание и суждение соответствует языку как «дому бытия». В приведенной цитате М. Хайдеггер

связывает надежду и обязанность рефлексивно выражать в речи функцию языка как «дома бытия» с мыслителями, которые способны, прежде чем сформулировать общие положения о предмете познания, погрузиться в него: «Всякое воздействие покоится в бытии, но направлено на сущее. Мысль, напротив, допускает бытию захватить себя, чтобы сказать истину бытия» [Хайдеггер 1993: 192]. Допустимо утверждать, что российское доктринальное правосознание не достигло еще состояния самоидентификации и не выразило истину отечественного правового бытия, так как не погрузилось в него.

Российские правоведаы, разрабатывая законопроекты и стремясь избежать «головокружения» за конотворчества, должны внимательно вслушиваться в речь носителей обыденного правосознания, так как в ней спонтанно и поэтому искренне (не предвзято) проявляются не поверхностные, а глубинные установки сознания. Так, до сих пор фактические брачные отношения в русской речи (вопреки законам юридическим и логическим) называют «гражданским браком», что не есть проявление юридической безграмотности, а свидетельствует о сохранении традиционного представления о том, что брак является не только светским юридическим договором, но и чем-то большим. Этим можно объяснить и относительно низкий процент брачных договоров в РФ – менее 10% (в США и ЕС – около 70%) [Левушкин 2016: 5]. Оценка такой статистики лишь как проявление пошлости и отсталости российского правосознания носит поверхностный характер и является примером игнорирования особенностей отечественного правосознания.

Язык – это не просто знаковая система, выступающая средством выражения мысли о действительности, но средство раскрытия самой этой действительности человеку теми сторонами и аспектами, которые заданы используемыми для её описания словами. Слова как носители понятий (обобщений) важны и необходимы, но в конкретном дискурсе значение слова может быть задано акцентом на одной из многочисленных коннотаций этого слова. Поэтому лишь отчасти верно определение коннотации через указание на то, что она выражает не существенные устойчивые признаки выражаемого ею понятия [Апресян 1995: 159]. Известный философ и семиотик Р. Барт понятию коннотации придает идеологическое значение, так как коннотативное означаемое «обладает всеобъемлющим, глобальным, расплывчатым характером: это – фрагмент идеологии» [Барт 1975: 159]. Поэтому в процессе восприятия и оценки акта публичной речи необходимо «держаться паузы», то есть не торопиться с выводом о его смысле, учитывать контекст и цель речевого акта. Коннотативная лингвистика позволяет понять, что в обществе «на базе первичной системы, образуемой естественным языком, постоянно возникают системы вторичных смыслов» [Барт 1975: 158]. Р. Барт, учитывая тот факт, что в современной политической жизни огромное место занимает процесс манипуляции сознанием людей, пишет: «У нас пока нет социологии слова. Нам лишь известно, что слово есть форма власти и что особая группа людей (нечто среднее между корпорацией и классом) определяется как раз тем, что более или менее безраздельно владеет языком нации» [Барт 2008: 117].

Приходится признать, что российское общественное сознание является довольно удобным объектом манипуляции. В правосознании выделяются рациональные и эмоциональные компоненты. Вполне допустимо называть такую особенность российского правосознания как преобладание в нем образно-эмоциональной составляющей. Это соответствует выводам лингвистов, которые в своих сравнительных исследованиях фиксируют важную роль в русском языке эмоционально-оценочных слов и выражений. Соответственно, в правовом воспитании и юридическом образовании органично в сознание человека войдут те знания, которые пропущены через этнические оценочные чувства и образы. Ученые, изучающие российскую языковую картину мира, приходят к выводу: «Национально-культурные стереотипы включают не столько рациональные основания оценки, сколько эмоциональные, субъективные характеристики обозначаемого» [Коновалова 2012: 260]. Этот факт отражается в самих традиционных юридических терминах, многие из которых не просто называли правовые явления, а образно представляли и оценивали их; на пример, в средневековой Руси правонарушение – «обида» или «лихое дело», судебный спор – «розлюбье» и т.д.

В 90-х годах прошлого века сменились идеологические ориентиры развития общества, что предопределило значительное увеличение объема иностранной терминологии в текстах российских законов. По мнению Туранина В.Ю., чрезмерное использование заимствованной лексики не всегда носит конструктивный характер и вызывает неоправданное желание разработчиков законопроектов подчеркнуть их на уникальность, придать им дополнительную «солидность». Этот же автор обращает внимание на факты неадекватной трактовки значения иностранных слов и предлагает провести отсев терминов, не вписывающихся в российский юридический язык [Туранин 2009: 14]. Это предложение, казалось бы, имеет отношение лишь к прикладной сфере правовой деятельности, то есть к такому элементу юридической техники как язык правовых актов. Но установка на внимательное и принципиальное отношение к юридической терминологии важна и для теоретиков права при решении вопросов о сущности права, его ценности и функциях.

Так, этимология слова «закон» соответствует такой особенности отечественного правосознания как признание приоритета не регулятивной, а охранительной функции формального права. Приставка «за» придает всему слову значение того, что находится за пределами или не соответствует тому, что выражено в корне этого слова. Оказывается, что «кон» – это «начало», то, что было «исконно». Если вспомнить приведенный выше пример с брачным договором, то традиционное представление о том, что браки «заключаются на небесах» соответствует понятию «кона», а нотариально заверенный брачный контракт заключается за пределами «кона», то есть по «закону». Наиболее точно глубинная этимология слова «закон» раскрыта в словаре А.В. Семенова как «установление власти, противоположное традициям» [Семенов 2003]. Замечено, что в обыденном российском правосознании сохраняется такое восприятие формального права, что отражается в известной постановке вопроса – «По закону или по совести?».

Завершим статью конкретным примером, демонстрирующим значение лингвистического анализа формулировок официальных текстов. Тот факт, что иностранные слова по сравнению с русскими звучат нейтрально и менее эмоционально нагружены, оправдывает их использование в качестве эвфемизмов; целесообразно вместо слов «калека» и «старик» употреблять термины «инвалид» и «пенсионер». Но существуют негативные, чрезвычайные, исключительные и т.д. социальные явления, которые в сознании должны так и восприниматься, а в речи называться словами с соответствующими не только значениями, но и коннотациями. Право по своей природе нормативно и поэтому то, что законом регулируется, может начать оцениваться как нечто «нормальное». Так, естественными «уполномоченными» по правам ребенка должны быть его родители, дедушка и бабушка и иные родственники. Важно в общественном сознании сохранять представление о чрезвычайном характере случаев, когда в качестве такого уполномоченного по правам ребенка выступают официальные органы и лица. Но институты прав ребенка, ювенальной юстиции и информация о них внедряются в России таким образом, что невольно возникает презумпция, что от окружающих и даже близких родственников постоянно исходит угроза правам и интересам ребенка, а основным его защитником призвано быть государство. Исчезает представление о том, что речь идет о детях-сиротах, неблагополучных семьях и специализированной судебно-правовой системе защиты прав несовершеннолетних. Иностранное эпитет «ювенальный» звучит нейтрально и в духе НЛП (нейролингвистического программирования) неосознанно настраивает на восприятия этого вида юстиции как явления «нормального», а не чрезвычайного.

Одним из требований правотворческой техники выступает соответствие наименования (заголовка) нормативного правового акта его назначению и предмету регулирования. Специалисты в сфере законодательной техники пишут: «Заголовки законов – один из важнейших формальных реквизитов, играющих первостепенную роль в оценочном восприятии, понимании законодательного текста»

[Законодательная техника 2000: 117]. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) признает, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания». В этой Конвенции закреплено, что для обеспечения этого фундаментального права необходима находящаяся вне прямого воздействия закона и официальной власти естественная ячейка общества, то есть семья, которой «должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем, чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества». Очевидно, что необходимость в непосредственном участии государства возникает в той чрезвычайной ситуации, когда для защиты прав ребенка оказываются недостаточными возможности естественной ячейки общества, то есть семьи, или семья неблагополучная, или ребенок оказался сиротой. В Федеральном законе от 27.12.2018 N 501-ФЗ "Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации" в части 1 ст. 2 закрепляется: «Деятельность Уполномоченного направлена на обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов детей, реализации и соблюдения прав и законных интересов детей государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами». В предмет правового регулирования, связанный с защитой прав и интересов человека, входят чрезвычайные и конфликтно опасные общественные отношения. В противном случае в обязанности Уполномоченного по правам ребенка пришлось бы включить мониторинг и контроль в целом всей политики государства в сферах социально-экономической, образования, культуры, СМИ, интернета и т.д. В этих сферах общественной жизни и создаются условия для сохранения и благополучия (или разрушения) семьи как той ячейки общества, где и может быть реально обеспечено провозглашенное в Конвенции 1989 года основное право ребенка «расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания».

С точки зрения юридической лингвистики, не стоит иностранный эпитет «ювенальный» переводить на русский язык и в перечень конституционной, уголовной, административной и т.д. юстиций вставлять термин «детская юстиция». Но целесообразно использовать словосочетание «по делам», которое вызывает в русском языке коннотации с чем-то дискретным, непривычным, чрезвычайным. Вполне адекватно функции соответствующих официальных лиц и органов отражались бы в терминах «Уполномоченный по делам ребенка» и «Юстиция по делам несовершеннолетних».

Подводя итог, укажем, что лингвистический поворот в исследовании права может стать одним из факторов, способствующих достижению отечественным доктринальным правосознанием состояния самоидентификации. В России существует довольно развитая и воплощенная в многочисленных теоретических текстах юридическая наука, но допустимо ставить вопрос: «Существует ли российская юридическая наука?». Истоки всех отечественных наук связаны с процессом восприятия в XVIII веке иноземных достижений, созданием российской Академии наук и университетов. Признаем, что спустя три века так и не возникла собственно российская юриспруденция, релевантная истории страны, условиям её существования и менталитету. Но почему при этом смогла сформироваться, на пример, получившая мировое признание отечественная школа языкознания? Ответ содержится в следующем положении академика В.В. Виноградова, которое описывает одно из направлений исследования русского языка XVII-XIX веков: «Изучение семантической истории «заимствованных» слов, связанных с сравнительно-историческим исследованием судьбы их в других языках, в том числе и в родном для них языке, содействует открытию семантических своеобразий русского литературно-языкового процесса» [Виноградов 1999: 4]. Точно так же и юристам необходимо при разработке правовых теорий и юридических конструкций погрузиться в реальное российское бытие, в том числе и в семантику родного русского языка.

Литература

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995.
3. Барт Р. Основы семиологии / Структурализм: «за» и «против». М., 1975. – С. 114-163.
4. Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.
5. Бекон Ф. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М., 1978.
6. Виноградов В.В. История слов. М.: РАН. Отделение литературы и языка. 1999.
7. Декарт Р. Сочинения в 2 тт. Т.1. М., 1989.
8. Законодательная техника: Научно-практическое пособие. М., Городец, 2000.
9. Инишев И. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества / Логос, 2012, № 1 (85). – С. 184-211.
10. Коновалова Н.И. Эмоциональная и рациональная оценка в народной фитонимии / Рациональное и эмоциональное в русском языке: Межвузовский сб-к научных трудов. М., 2012. С. 259-266.
11. Левушкин И.Н. Брачный договор в Российской Федерации. М., 2016.
12. Семнов Ю.В. Этимологический словарь русского языка. М, 2003.
13. Синюков В.Н., Синюкова Т.В. О развитии университетского и прикладного юридического образования в России // Государство и право, 2010, № 3. С. 33-42.
14. Туранин В.Ю. Использование заимствованной терминологии в текстах современных российских законов: возможности и пределы / Современное право, 2009, № 4. – С. 14-17.
15. Хайдеггер М. Путь к языку / Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. – С. 259-272.
16. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. – С. 192-220.
17. Rorty R. (Ed.). The Linguistic Turn. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

References

1. Adygezalova, G.E. (2012). Sociological jurisprudence of the United States in the XX century: the formation of the doctrine, development and improvement of the rule of law. St. Petersburg (in Russian).
2. Апресян, Yu. D. (1995). Selected Works. Volume II. Integral description and systemic lexicography. Moscow (in Russian).
3. Bart, R. (1975). Basics of semiology / Structuralism: "pros" and "cons". Moscow (in Russian).
4. Bart, R. (2008). Zero degree letters. Moscow (in Russian).
5. Bacon, F. (1978). Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow (in Russian).
6. Vinogradov, V.V. (1999). History of words. Moscow. Russian Academy of Science. Department of literature and language (in Russian).

7. Descartes, R. (1989). Works in 2 vols. Vol. 1. Moscow (in Russian).
8. Legislative technique. Scientific and practical guide. (2000). Moscow. Gorodets (in Russian).
9. Inishev, I. (2012). "The Iconic Turn" in the Theories of Culture and Society. Logos, 1(85), 184-211 (in Russian).
10. Konovalova, N.I. (2012). Emotional and rational evaluation in folk phytonym. Rational and emotional in Russian. Interuniversity collection of scientific papers. Moscow (in Russian).
11. Levushkin, I.N. (2016). Marriage contract in the Russian Federation. Moscow (in Russian).
12. Semnov, Y.V. (2003). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow (in Russian).
13. Sinyukov, V.N., Sinyukova, T.V. (2010). On the development of university and applied legal education in Russia. State and Law, 3, 33-42 (in Russian).
14. Turanin, V.Yu. (2009). The use of borrowed terminology in the texts of modern Russian laws: possibilities and limits. Modern Law, 4, 14-17 (in Russian).
15. Heidegger, M. (1993a). Path to language (Pp. 259-272). In: Time and Being: Articles and speeches. Moscow (in Russian).
16. Heidegger, M. (1993b). Letter on Humanism (Pp. 192-220). In: Time and Being: Articles and speeches. Moscow (in Russian).
17. Rorty, R. (1967). The Linguistic Turn. Chicago: University of Chicago Press.

Citation:

Насыров Р.В. О значении лингвистического поворота в исследовании права // Юрислингвистика. – 2019. – №12. – С. 5-10.

Nasyrov, R.V. (2019). On the importance of linguistic turn in law studies. (2019). Towards the "crime of violence" definition in the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 12, 5–10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License